

СРЕДИ ЗОНТОВ, ПЕСКА И МЕДУЗ

Море лениво накатывало на песчаную береговую полосу, изредка вздыхая волнами, будто бы было чем-то несказанно расстроено. Расстраивался вместе с чуть зеленоватой водой и я. В этот период времени здесь, на Азове, должен был быть шторм, да какой шторм: волны весело бьются о берег, накрывая с головой резвящихся на отмели отдыхающих туристов, вода тёплая, как парное молоко, пусть и грязноватая — обрывки непонятной растительности вперемешку с песком, но тёплая. Ради подобных ощущений мы проделали стокилометровый путь с побережья Чёрного моря, из Анапы, на побережье Азовского моря. Этот «марш-бросок» нами осуществлялся последние годы регулярно, раз в приезд на летний отдых. Он уже превратился в особенный ритуал, который позволял попрыгать на волнах, а затем ещё долго ощущать ту самую незабываемую морскую качку, которую запоминало тело, и радостные прыжки хорошего настроения где-то там, в груди. Но, как говорится, «не всё коту Масленица, будет и Великий пост», и в этот год выезд на Азовское побережье совпал с тихой погодой, близкой к штилю. Мы глядели на море и, разводя руками, задавались вопросом:

«А куда же делись волны?» Поджидала здесь в воде и другая неприятность — откуда ни возьмись приплыли медузы. Откуда они приплыли, в целом было понятно: их путь, так же как и наш, лежал из акватории Чёрного моря, однако объяснения поведению морских обитателей не мог найти никто. Местные экологи записали это в аномалии. Таким образом, немногочисленные посетители морского побережья в столь ранний час могли погрузиться в море лишь на короткое время, а затем, когда вокруг них образовывался слой из разнокалиберных шапок бледного белого или бледного серого цвета с синими поясками по краям, стремительно ретировались на берег. Ретировались на берег вслед за туристами и медузы — их в большом количестве выносило на песок море, заставляя там погибать под палящими и плавающими лучами солнца, одиноко и в то же время радостно светившего с голубого небосвода. В подобных условиях отдыхающие больше уделяли времени загару, нежели купанию. Так же поступили и мы.

Стоял, будто коромыслом, над плечами и головой летний зной, над морем вдалеке висел мар. Чуть в глубине пляжа, в нескольких десятках метров от воды, на раскалённом песке группой деревянных грибных шапок теснились зонтики, сплошь занятые людьми и их вещами — сумками, полотенцами, одеждой. Люди отчасти скрывались в тени, отчасти вылезали на солнце, чтобы затем, прогрев тело и кости, уйти обратно в тень спасительной «деревяшки». Вещи оставались недвижимы, в большинстве случаев заменяя табличку с надписью «Занято», что появляется в ряде публичных мест красной надписью на белом фоне. Я, стоя под одной из таких «деревяшек», смотрел дальше в глубину пляжа на ряд деревянных скамеек, расположенных за группой зонтиков. На одной из этих скамеек, подставив солнцу торс, плечи, лицо, голову и шею, сидел мужчина лет сорока — сорока пяти, «не мальчик, но муж». Его брутальная внешность приковывала к себе взгляд — таким образом, как приковывают к себе взгляд зелёные, синие, розовые женские волосы, отсутствие рук и (или) ног у человека и животных, шрамы, на конечностях и лице и прочие подобные вещи. Руки средних размеров, начиная от плеч и заканчивая запястьями, были полностью покрыты татуажем. Мужик был «забит» на каждый сантиметр

его верхних конечностей, причём цветные рисунки лежали на коже в смеси с однотонными, выполненными либо синей, либо чёрной пастой. Второй точкой притяжения внимания служило лицо, которое было покрыто густой чёрной бородой, спускавшейся обильным водопадом аж до верхней части груди. Растительность на лице насквозь пронизывали капли седины. Борода была явно «рокерская», поповича за руки, больше похожие на галерею искусств, давно бы уже выпороли.

Мы с Иришей, моей супругой, загорали в вертикальном положении — есть такой способ. Её волосы были завязаны в аккуратный хвост. Аккуратный, насколько это позволяла вода, солнце и морская соль. Как известно, в южных условиях волосы начинают медленно, но верно становиться непослушными, от слова «совершенно», но это придаёт им свою привлекательную неповторимость. Мне хотелось ей улыбаться, мне всё время хочется ей улыбаться — виной тому невидимая пружинка, что сидит в левой стороне моей груди и счастливо скачет.

— Ты чего? — спросила Ириша, заметив мой интерес к бородачу.

Я, разморённый низким южным солнцем, вальяжно кивнув головой в сторону скамеек, проговорил, в очередной раз раскрыв свою улыбку:

— Привлекательная личность.

«Привлекательная личность» также заметила мой интерес к нему и неодобрительно стала поглядывать в нашу сторону. Оценив, насколько я был жалок в его глазах — ни бороды, ни татуажа, «рокер» быстро успокоился и продолжил равнодушно жариться под солнечными лучами.

— Пи-ро-ж-ки, че-бу-ре-ки, бе-ля-ши,— разнёсся над пляжем протяжный скрипучий старческий голос, будто заголосила, запела, завывала шотландская волынка.

Отдыхающие встrepенулись. Все, кто бывал на побережье Азовского и Чёрного морей, прекрасно осведомлены, насколько долгожданными бывают подобные чудесники, взывающие будто бы откуда-то из другого измерения о своих кулинарных шедеврах. А ещё интересней становятся они, когда ко всему вышеперечисленному меню прибавляются трубочки с кремом, кукуруза и прочая подобная снедь. На этот раз в роли чудесника выступала бабушка, высохшая и испечённая, как и её

вкусоности, которые она несла в плетёной корзине, покрытой плотным кухонным полотенцем с вышитыми на нём красными маками под всё тем же южным солнцем. Голову старушки покрывал белый платок с витиеватыми узорами, повязанный в виде косынки. Тело и желтеющие загорелые руки прятались под бледно-голубым длинным платьем, на которое сверху аккуратно был повязан плотный тёмно-синий фартук. Кудесница брела со своей ношей с крымской стороны. Она медленно и уверенно приближалась к нам, изредка останавливаясь рядом с туристами, попадавшимися у неё на пути, дабы перекинуться с ними парой фраз и предложить свои нехитрые «печёности». Расстояние между нами сокращалось.

— Будешь пирожки? — повернулся я к Ирише, выждав паузу после появления бабушки на горизонте.

— Ой, я что-то не хочу, — покачала головой в ответ она. Меж тем первый объект, на котором остановилось моё внимание, встретился со вторым объектом, на котором также остановилось моё внимание. Эту встречу можно было бы охарактеризовать известными строчками: «Они сошлись, как лёд и пламень...» — а дальше продолжить: «И разошлись, как в море корабли...»

— Бери пирожки, милый, — всё тем же скрипучим голосом пела бабкина «волынка».

«Милый» хлопал себя по отвисающему пивному животу, который ещё более выделялся на его мощном теле из-за того, что бородач находился в положении сидя, и отвечал кудеснице:

— Не, бабка, мне не надо! — громыхая басом и растягивая слова, как будто выводил русскую народную.

Кудесница продолжала навязывать свой мотив и свой товар.

— Такой агрегат, милый, нужно кормить и кормить, — тыкала она ладонью в сторону живота. — Пирожки вкусные, румяные, с корочкой. Бери пирожки, милый!

— Не, бабка, — ещё раз отрицательно покачал головой «рокер».

Разуверившись в своих попытках попотчевать привередливого туриста продукцией собственного производства — с одной стороны, и дабы не быть особо навязчивой — с другой стороны, кудесница перешла в наступление на образ обидчика.

— Что за дело, милый? — выпрашивала она. — Разукрасил руки свои, словно новогодний киоск. Что за дело такое?

Бородач был настроен миролюбиво.

— Хорошее дело, бабка! — пробубнил он в ответ.

— Хорошее, но Богу неуютное, — продолжала наступление она, — от дьявола дело сё.

— Нет... Хорошее дело, — всё так же уверенно стоял грудью на защите своих татуировок бородач.

Они в любом случае бы остались каждый при своём мнении. Обе стороны это, так или иначе, понимали. Poleмика между ними была такой же вялой, как и тела отдыхающих, разморённых солнцем, уходящим в зенит.

Бабушка не решилась идти на долгий приступ и поэтому, выслушав вторичный мало изменившийся довод «рокера», отступила. Кудесница, махнув рукой на всё оставшееся позади, продолжила свой путь вдоль моря, лишь покачав головой на заявления татуированного. Мы с Иришей проводили её сгорбленную дряхлую фигуру, медленно отмеряющую шаги по песку, среди зонтиков, туристов, камней и медуз.

— Пи-рож-ки, че-бу-ре-ки, бе-ля-ши, — всё так же неслась над пляжем, над морем, под солнцем скрипучая нота волынки.

— На самом деле она права, — кивнула головой Ириша в сторону удалявшейся женщины. — Сказано же: «Не делайте на теле вашем нарезов и не выстригайте волос над глазами вашими».

Я слегка кивнул головой, согласившись с ней.

Мне было жалко бабулечку, её удаляющийся образ. Жалко, потому что, славно потрудившись в дни своей молодости и зрелости для народа и государства, она, так же как и тысячи, миллионы таких же бабушек и дедушек, вынуждена еле сводить концы с концами, заменяя тем самым спокойную достойную старость на выживание.

Милая бабушка, я со всей душой купил бы у вас все пирожки, которые вы предлагали туристам. Я бы стал покупать у вас все пирожки, которые вы готовите. Но это не поменяет сути дела. Я прекрасно знаю причины, которые побуждают вас это делать. В детстве я, как и все мои соотечественники, наблюдал их собственными глазами — теперь пришли результаты тех событий из прошлого времени и больно бьют по

настоящему. Будут ли они бить по будущему? Думаю, на этот вопрос найдётся свой утвердительный ответ, и те же самые тысячи, миллионы новых дедушек и бабушек будут брести по пляжу с корзинами в руках, торговать вербой, носочками и шарфами на остановках городского транспорта и у выходов из метро, а стражи порядка со строгими лицами, в свою очередь, будут их гнать оттуда. Мне кажется, что это тупик, и именно в этот самый тупик на всех парах мчится наш поезд.

НЕ СТЫДНО

Утренний мороз — красный нос кусал мой красный нос, заставляя прятать лицо за воротник зимней куртки. Через дорогу, с огромного по размерам плаката, установленного в витраже торгового комплекса, улыбалась прохожим девушка, рекламирующая нижнее бельё. Ей было не холодно — её образ уже успел зафиксировать очередной «фото-маньяк» и теперь по полной им спекулировал. Впереди, в свете фонарей и утренних сумерек, мерцал чёрным пятном зев подземного перехода, по совместительству взявший на себя функцию входа в метро. Я стремился быть им проглоченным как можно скорее — Дед Мороз из той самой советской сказки подгонял в спину своим посохом и декламировал скороговоркой заклинание: «Заморожу! Заморожу!» Но, несмотря на мороз и Деда, «проглотили» меня не сразу. Стеной между зевом и вашим покорным слугой встали два знакомых лица. Нет-нет, это были не мои приятели, и не друзья, и не родные, да и не близкие заставили меня ещё чуть подольше поморозиться на свежем московском воздухе. От потока людей, вползающего змеей в зев перехода, отделились две женские фигуры «покурить».

Если вы ездили по Калининской «жёлтой» ветке московского метро, то наверняка видели этих двух гражданок. Правда, образ они имеют не столь благообразный, как в это утро — ровные спины, лёгкие уверенные походки. Обычно они встречаются мне и посетителям метрополитена в ином виде: согнувшись в три погибели, каждая, опираясь на потрёпанный деревянный костыль так, чтобы лицо смотрело под девяносто градусов к полу, невообразимо громко

шаркая волочащимися за непослушным туловищем ногами и протягивая трясущиеся в «паркинсоне» руки, они внимательно оглядывают пассажиров вагона метро, в котором ведут свой промысел, через толстые линзы очков. «Денюжку мне, мне, мне, мне», — шамкая непослушным ртом, говорит одна из них. «Поддай мне, мне, мне, мне», — подпекает другая, выкрикивая слово «поддай» почти фальцетом. Дуэт у женщин получается великолепный. «Идеальная пара!» — зашла бы в восторге Лариса Гузеева, увидев их на передаче «Давай поженимся!». На человека, который видит весь этот «концерт» впервые, гражданки производят неизгладимое впечатление: так и хочется протянуть руку к своему карману на джинсах, на внутренней стороне куртки, на подкладке пальто и достать оттуда пригоршню железных кругляшков, а то и бумажную купюру: «Бери, сердешная, на жизнь твою грешную». Человек, который видит представление этой парочки повторно, начинает задумываться о некоторых нестыковках в их поведении и действиях: к примеру, несмотря на определённую качку в вагоне метро при движении состава и якобы немощные ноги, тётеньки передвигаются между рядов сидений довольно-таки уверенно, балансируя по центру прохода, как заправские акробаты на канате. А те, кому посчастливилось выходить вместе с нашими главными героинями на остановках из вагона, могли наблюдать поистине чудо из чудес: болезные феи, словно по мановению волшебной палочки, в доли секунды вылечиваются от всех своих недугов, распрямляются, прозревают и передвигаются уверенной походкой до двери следующего вагона, перед которой они мастерски примеряют всё ту же убогую личину — видимо, недуг их опять скручивает, свёртывает, кривит и заставляет дальше идти на такой ненавистный тётенькам промысел. Я не знаю, каков заработок «артисток» с подобного дела, но я вижу, каков расход граждан. Не жалко этих рублёвых десятков, пятидесяток, соток, положенных в протянутые руки, а затем и в карман нашей парочки, — жалко самих людей, коих на ровном месте водят за нос два лицемера в юбках.

Видимо, долгой памятью обладал не один я в это московское морозное утро: от усилившегося, будто вентиль крана вывернули сильнее, потока людей, спешащих к

входу в метро, отделился высокий молодой парень в светлой, вязанной малой петлёй шапке, длинной тёмно-синей, с полами, практически достававшими до колен, куртке. Парень сильными руками крепко сжимал ручки портфеля из кожзаменителя. Он быстрым уверенным шагом вклинился в компанию наших «артисток», куривших «взатыг» тонкие сигареты — «дамские пальчики».

— Не стыдно?! — гаркнул, будто хлыстом, женщинам в лицо молодой человек. — Я вас спрашиваю! Не стыдно людей обманывать?!

Дамочки, видимо, видели ещё и не такое, поэтому из колеи столь неожиданное событие их не выбило. Та, что была к сказавшему приведённую выше реплику молодому человеку поближе, резко вытащила правой рукой из рта сигарету, на левой руке продемонстрировала парню средний палец, практически ткнув им в нос обидчику: дескать, имела я тебя в виду, — и продекламировала «с чувством, с толком, с расстановкой», так, чтоб до него дошло, да и до нас с вами, дорогие читатели:

— Пошёл ты на хрен!

ПЫЛЕСОС

Трамвай наводит на меня ни с чем не сравнимые ощущения ностальгии. Перед глазами встают кадры из великолепной советской эпопеи «Место встречи изменить нельзя», а в ушах Николай Расторгуев своим сочным голосом поёт песню: «Трамвайчик, „пятёрочка“, вези в Черёмушки меня...»

Стояла середина марта, морозы не отступали. Прошедшая зима выдалась настоящей, русской, с температурами за минус двадцать, метелью и снежными заносами.

После операции, сделанной мне на «крестах» и мениске, я первое время мог передвигаться лишь при помощи костыля. Следом за составляющими моего коленного сустава приказал долго жить и пылесос. Новый мы заказали через Интернет у торговой фирмы, офис которой располагался в районе станции метро «Бауманская». Туда от дома я как раз добирался на «трамвайчике»; правда, номер его строчкам песни не соответствовал. Обратное, с покупкой,

лежащей в большой белой картонной коробке, на внешней стороне которой красовались фирменные надписи и фотографии, кричащие, словно через рупор: «Здесь лежит пылесос!» — я медленно брёл обратно к той самой трамвайной остановке «Метро „Бауманская“». Добравшись до пункта назначения и слегка выбившись из сил, я поставил коробку на тротуарную плитку перед собой, дабы перевести дух. Чуть впереди меня бликами дразнились рельсы, за моей спиной глыбой нависал над городской улицей торговый центр, выглядывая из-за остановки, словно слон из-за берёзы. Между остановкой и рельсами аккуратным рядом был выложен бордюрный камень, к краю которого я и придвинул коробку со своей покупкой — для удобства. В ожидании транспорта руки машинально нащупали в кармане куртки мобильный телефон, пальцы уверенно нажали кнопку «Включить передачу данных», а глаза, уши и мозг погрузились в пучину Интернета. Народ медленно прибывал на остановку с той же целью, что и я, а через меня тем временем неслись строчки текста с форума: «...А во втором тайме везенье закончилось — мы получили быстрый гол с углового и бестолково понесли отыгрываться. Однако как же тренер киргизов хотел записать на свой счёт победу над московским „Торпедо“! Оборался на бровке...»

Знакомо ли вам то ощущение, когда на вас кто-то пристально смотрит? А теперь представьте это же самое ощущение, только когда на вас специально идут. Я успел подвинуть коробку в самый последний момент, заметив её краем глаза, иначе бы она её пнула или споткнулась бы об неё, упала и что-нибудь себе расшибла. Нет, это была не маленькая девочка. Подобный фокус на глазах у изумлённой публики вытворила пожилая женщина, я бы сказал — уже бабушка. И ладно места было бы мало — нельзя протиснуться. Нет! Его было сколько хочешь, хоть бревном ложись и лежи! Это похоже на закон притяжения: если в поле стоит столб, то в него обязательно кто-нибудь да врежется, потому как этот самый столб и притягивает внимание. Интернет в эту минуту ушёл из меня, а я вынырнул из его пучины. Перед взором предстала виновница несостоявшейся аварии. Она пристально меня разглядывала сквозь линзы очков, плотно сидевших у неё

на носу. Бабуля походила на колобок — настолько она была полна и закутана в демисезонную яркого синего цвета куртку с меховым воротником. Седые, средней длины волосы покрывал светлый берет, при взгляде на который мне в голову приходила реплика: «О, Пикассо!» Образ её ничуть не выдавал положения бедствующего человека: одежда опрятная, чистая, взгляд уверенный, слегка пытливый. Убедившись, что её заметили, пожилая дама приступила к общению.

— Молодой человек, дайте мне денег на телефон,— распорядительным тоном заявила она.

Если быть честным, я слегка опешил от подобного. В свою очередь, люди, стоявшие вокруг и неподалёку от нас и также ожидавшие трамвай, проявили заинтересованность: «О! Сейчас будет шоу! Посмотрим!» Я почувствовал на себе взгляды зрителей. Поздравляю, теперь ты стал артистом — играй!

После секундного замешательства я решил «прикрыться» от «распорядительницы» своим костылём.

— Женщина, вы нашли у кого просить деньги...— протянул было я в ответ.

— Деньги у вас имеются,— уверенно прервала дама,— не увиливайте!

Меня крайне возмутил её тон.

— Почему, собственно, я их вам должен давать?

— Я вижу, у вас дорогая покупка,— указала бабуля кивком головы на коробку с пылесосом, а ведь коробка продолжала кричать надписями: «Здесь! Здесь он, родимый!»,— значит, вы имеете возможность и телефон мне оплатить.

Меня просто распирало от подобного поведения и железной логики.

— Да не хочу я вам оплачивать ваш телефон! — уже практически взрывался я.

— Это почему?

— Ну хотя бы потому, что вы хамски себя ведёте.

— Молодой человек, хамски ведёте себя вы,— раздалось откуда-то извне.

Это подал голос один из зрителей, находящихся в окрестностях остановки. Я повернул к нему свою голову. На меня пристально смотрели большие карие зрачки.

— Подайте пример прилежного поведения, — обратился я к нему, — оплатите тётенке её телефон.

— У меня нет денег, — парировал болевщик.

— У меня тоже, — бойко отбрёхивался я.

— Вы врёте! — вступила опять в игру пожилая дама. — И хамите опять-таки вы!

— Чем же я вам нахамил?

— Я к вам вежливо обратилась, а вы мне стали отвечать грубо... — гнула «распорядительница» свою линию.

Театральное представление затягивалось. Вместе с этим тонкой тягучей ноткой где-то там глубоко внутри начинала подпевать усталость — на артиста я не учился и играть дальше не имел никакого желания.

— Я не дам денег вам на телефон, — спокойно, практически по слогам, проговорил ваш покорный слуга.

— Какой же вы всё-таки хам! — перешла в решающее наступление бабуля. — Это ваш Путин нас до такой жизни довёл!

— При чём здесь Путин? — пожал плечами я. — Он вас заставляет неподобающе себя вести?

— Какой вы всё-таки невоспитанный человек. Мне стыдно за ваших родителей...

— А мне за них не стыдно!

— Ну всё, хватит! — замахала «распорядительница» на меня руками.

Действительно, надо было заканчивать. Два дурака вдоволь потешили собравшихся зевак и прочую милую публику — зрелища хватило всем. Тем более к остановке наконец-то крадучись приближался «Витязь-М». Двери открылись, я подхватил свою коробку и, опираясь на «деревянного друга», шагнул внутрь. «Концерт окончен».

«Трамвайчик» увозил меня в сторону улицы Радио и Яузы, а задор от ссоры и перепалки развеял над домами налетевший на город ветер.

Стало ли вам кого-то жалко? Решите сами, дорогие читатели. Я на данный вопрос ответить затрудняюсь.